

Александр Балтин

ВОСШЕСТВИЕ

Заметки о поэзии Расула Гамзатова

...Легендарен при жизни был, уходя легендой же, в том числе – эпохальной песни – в пространства веков, сколь бы ни менялся их пёстрый антураж: бытийный, исторический...

Р. Гамзатов в своём народе воспринимался героем: были ещё народы, так относящиеся к поэтам; Расул Гамзатов пользовался общесоюзной известностью – пока великолепные, трагические «Журавли» проплывали над просторами людей и времён.

Проплывают торжественно-плавные журавли, втягиваются в песню, что станет легендарной, вызывают печаль, светлую грусть, разные размышления...

Взгляд на мир спокоен: то, что среди клина есть гипотетическое место для автора, не вызывает бурных эмоций...

Восточный стоицизм?

Мудрость, обретаемая сквозь годы, наполненные трудами и признанием?

Гамзатов был знаменит, для огромного количества людей он представлял – с поэтической силой и нежностью свой край: не большой, хорошо известный мало кому... из огромного мира.

Он действительно представлял его: и сверкали надписи на кинжалах, и шёлком звучали стихи, посвящённые матери и – любви.

Нежности и сострадания много вообще разлито в произведениях Гамзатова:

*...И на дыбы скакун не поднимался,
Не грыз от нетерпения удил,
Он только белозубо улыбался
И голову тяжёлую клонил.*

*Почти земли его касалась грива,
Гнедая, походила на огонь.
Вначале мне подумалось: вот диво,
Как человек, смеется этот конь.*

*Подобное кого не озадачит.
Решил взглянуть поближе на коня.
И вижу: не смеется конь, а плачет,
По-человечьи голову клоня.*

(пер Я. Козловского)

Конь, увиденный так, говорит о щедром сердце и той тонкости глазомера, когда одушевлённость становится возвышенной, и будто конь – собрат.

Лад баллады точно соответствовал темпераменту Р. Гамзатова: есть в этом жанре нечто от очерка гор, от резкости высоты, но и – то соприкосновение вершин с небом, что рождает мудрость:

*Но дивиться этому не стали
Местные бывалые мужи,
Мол, такие случаи бывали
В старину не раз, Омар-Гаджи.*

*И когда увидят все воочью,
Что конца мой близится черёд,
Может быть, меня однажды ночью
Молодая женщина спасёт.*

(пер. Я. Козловского)

Много в его поэзии и молодости, задора, упругого упоения жизнью: без этого Гамзатов не представим – как не представить его поэзию и без метафизики, отливающей, конечно, восточными красками, но в больше мере – общечеловеческими:

*Ты безгрешна до того,
Что почти святою стала.
Не загрызла никого,
Никого не забодала.*

*Дважды в год тебя стригут
До последнего колечка.
И однажды в пять минут
Шкуру начисто сдерут,
Бедная овечка,
Бедная овечка!*

(пер. Я. Козловского)

Льётся грусть, раздваивающая сознания: дальше возникнет пир, замелькают шампуры, как клинки, и всю себя отдавшая овечка превратится в сок и смак жизни...

Поэт, впрочем, тоже должен отдавать себя всего: иначе – не получится зажечь стихи; и эта отдача в глубокой мере относилась к жизненному пути Р. Гамзатова.

Кинжальная сталь подразумевает острый высверк удара: кинжальная сталь подразумевает остроту и точность мысли; и пусть богатство украшений ножен восточных клинков хорошо известно, поэтические надписи украсят их значительно и ярче:

*Для дружеской руки
Вот рукоять моя.
Для вражеской груди –
Сталь остря!*

Полярность и полюсность, вложенная в зарифмованный афоризм, словно открывает сущность людского бытования на земле: которое, увы, не обходится без вражды.

Двойственность всего хорошо отливается в компактную форму:

*Кинжал хоть не зурна,
И он две песни знает:
О гибели одна,
О вольности другая.*

Слова играют, они пенятся, как вино, изливаемое в чаши из древних кувшинов, они вскипают силой, и упомянутая вольница словно разгорается в сознании, вычерчивая яркий круг необходимости.

Дружба – тема тем Гамзатова: что логично, учитывая его принадлежность к горному народу: где дружба свята, одно из самых высоких положений в ценностной шкале жизни:

*Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
И судом поспешным не греши.
Гнев на друга, может быть, мгновенный,
Изливать покуда не спеши.*

*Может, друг твой сам поторопился
И тебя обидел невзначай.
Провинился друг и повинился –
Ты ему греха не поминай.*

(пер. Н. Гребнева)

«Берегите друзей» – раздаётся призыв, и, текст, проводимый ступенями своеобразных советов, вспыхивает многоцветно-смысловым финалом:

*Спасибо вам за то, что в час, когда
К озёрам тем я приходил напиться,
Вы тут же притворялись без труда,
Что вам прекрасно в это время спится.*

(пер. Н. Гребнева)

Есть плавное развитие внутри его произведений, чья неспешность связана с мудростью любви: узнанной и понятой основной силой, определяющей движение жизни, саму жизнь:

*Вернулся я, спустя сто лет,
Из темноты на землю эту.
Зажмурился, увидев свет.
Едва узнал свою планету...
Вдруг слышу: шелестит трава,
В ручье бежит вода живая.
«Я вас люблю!..» – звучат слова
И светят, не устаревая...*

Здесь – та витальная сила, что разлита в природе и может ощущаться человеком только, если он поднимается на высокие ступени.

Именно на те, на какие взошёл Гамзатов: наблюдая бесмертных журавлей, плывущих и плывущих над столь изменившимся человечеством.